

DOI: 10.17746/1563-0102.2017.45.4.034-044
УДК 904

А.А. Малышев¹, Д.О. Дрыга², А.С. Клемешов³, Т.Н. Смекалова⁴

¹Институт археологии РАН
ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия
E-mail: maa64@mail.ru

²Московский государственный университет геодезии и картографии
Гороховский пер., 4, Москва, 105064, Россия
E-mail: hopkuh@mail.ru

³Московский государственный областной университет
ул. Радио, 10А, Москва, 105005, Россия
E-mail: klemeshovas@mail.ru

⁴Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского
пр. Вернадского, 4, Симферополь, 295007, Россия
E-mail: tnsmek@mail.ru

К истории Азиатского Боспора в ранневизантийское время: по материалам комплексных исследований Верхнегостагаевского городища

Статья представляет результаты комплексного изучения Верхнегостагаевского городища (Краснодарский край), датируемого позднеантичным – ранневизантийским временем. Продемонстрированы возможности привлечения недеструктивных методов (топосъемка и магниторазведка) в исследованиях памятника с многоуровневой системой оборонительных сооружений, возведенных с использованием античных строительных материалов в соответствии с традициями сырцово-каменной боспорской фортификационной архитектуры. В работе приводится информация об особенностях рельефа местности, в которой расположен памятник, являвшийся стратегически важной крепостью-убежищем. Большое внимание уделяется описанию фортификации городища – двух поясов стен, выполнявших оборонительную функцию цитадели, а также монументального сооружения общественного назначения, остатки которого были открыты в 2014–2017 гг. Приводится характеристика датирующего материала, полученного при проведении археологических раскопок. Публикуются хронологические определения. На основе наблюдений, касающихся масштаба работ по возведению крепости, а также их качества, сделан вывод о том, что строители имели представление об особенностях микрорельефа и строительных материалов. Отмечено вторичное использование при строительстве камня из более ранних разрушенных построек. Рассматривается возможность связи Верхнегостагаевского городища с локализуемым многими исследователями в указанном регионе синхронным политическим образованием, которое, вероятно, было причастно к чеканке подражаний римским динариям.

Ключевые слова: монументальная архитектура, неразрушающие и разрушающие методы исследования в археологии, городище, континуитет.

A.A. Malyshev¹, D.O. Dryga², A.S. Klemeshov³, and T.N. Smekalova⁴

¹Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences,
Dm. Ulyanova 19, Moscow, 117036, Russia
E-mail: maa64@mail.ru

²Moscow State University of Geodesy and Cartography,
Gorokhovskiy per. 4, Moscow, 105064, Russia
E-mail: hopkuh@mail.ru

³Moscow Region State University,
Radio 10A, Moscow, 105005, Russia
E-mail: klemeshovas@mail.ru

⁴V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
Pr. Vernadskogo 4, Simferopol, 295007, Russia
E-mail: tnsmek@mail.ru

On the History of Asian Bosphorus in the Early Byzantine Times: Excavations at Verkhnegostagayevskoye

This study focuses on Verkhnegostagayevskoye—a fortress in the Krasnodar Territory, dating to the Late Classical and Early Byzantine era. It has a multilevel fortification system constructed with the use of Classical Greek building materials according to the tradition of adobe-and-stone architecture. The fortress, situated far away from major seashores and inland transport arteries and studied by nondestructive topographic methods such as magnetic prospection, was a strategically important refuge. The scale of construction activities indicates significant administrative resources of the rulers. The master-builders were qualified specialists with a good knowledge of local materials, relief, and geological structure of the area. Construction materials differed with regard to position: pumpkin shell was used for outside-facing walls, whereas peripheral defensive structures were made of local sandstone and limestone. Judging by parts of columns including Doric capitals with very flat echini, dating to the Late Hellenistic or Roman period, dismantled remains of public buildings were used for fortification. The production of building materials and the construction works may have been a long-term job for the Bosporans. The fortress was probably part of a political structure involved in the minting of the famous replicas of Roman denarii. These replicas marked one of the oldest routes connecting the Black Sea coast with Central Ciscaucasia via the Kuban drainage.

Keywords: Northwestern Caucasus, Classical period, Byzantine period, fortification, nondestructive methods, prospection.

Введение

Для изучения слабо освещенной древними авторами истории Северного Причерноморья и расположенного здесь на рубеже позднеантичной и ранневизантийской эпох (III–VI вв.) античного Боспорского государства особое значение имеют материалы археологических исследований [Блаватский, 1985; Фролова, 1998, с. 249]. Большие пространства Северопричерноморского региона, в частности азиатская часть Боспора, были охвачены процессами, которые привели к запустению и упадку хозяйственной и политической системы [Гайдукевич, 1949, с. 439–484; Блаватский, 1985; Кругликова, 1966, с. 9–24]. Письменные источники скупо сообщают о передвижении по территории Азиатского Боспора варварских племен, в частности готов. В «Перипле Анонима», который традиционно датируется V в., хотя включает фрагменты и более ранних сочинений [Агбунов, 1987, с. 13–15], сообщается о связываемой с прежней античной Горгиппией Евдусии, центре евдусиан – готов-тетракситов [Там же, с. 15]. Византийский историк VI в. Прокопий Кесарийский отмечал, что готы-тетракситы размещались в непосредственной близости от местности Евлисия либо на ее территории [Прокопий Кесарийский, 1950, IV. 4, 7], которую отождествляют с Евдусией «Перипла Анонима» [Медведев, 2011].

Археологические подтверждения этой информации отсутствуют: бытовые памятники позднеантичного – раннесредневекового периода в указанном регионе практически не известны [Ковалевская, 1981, рис. 57; Гавритухин, Пьянков, 2003, рис. 12], поэтому датировка открытого здесь в 2013 г. городища с мощными фортификационными сооружениями эпохой Великого переселения народов (IV–VII вв.) стала заметным событием.

Проведенная нами на городище топосъемка позволила уточнить имеющиеся картографические материалы (масштаб 1 : 10 000) (рис. 1). Серия GPS-точек

коррелирована с аэрофотографиями 1943 г. из собрания Национального архива США и космоснимками (рис. 2, 1, 2). Сравнительный анализ указанных материалов позволил получить размерные характеристики городища, оценить его фортификационные и коммуникативные возможности, а также экономическую целесообразность создания. Судя по трассам дорог и открытым пространствам, в середине XX в. территория памятника использовалась для хозяйственных нужд более интенсивно, чем в древности, ландшафт же не претерпел особых изменений.

В 2013 и 2015 гг. на верхней укрепленной площадке – цитадели – и в прилегающих оборонительных сооружениях проводились работы по выявлению и исследованию строительных остатков городища неинвазивным методом – магниторазведкой (рис. 2, 3, 4), который зарекомендовал себя как эффективный способ изучения поселенческих структур, в частности крепостных сооружений [Smekalova et al., 2016]. В процессе раскопок на городище, которые продолжались четыре года, были изучены культурный слой, а также элементы наиболее важных объектов системы фортификации и быта памятника. Лабораторные исследования полученных материалов (определение содержания соединений фосфора в отложениях городища и анализ палеоботанических образцов)* открыли возможность выявить особенности культурного слоя в разных частях памятника, уточнить спектр строительных материалов и получить новые данные о хронологии бытования монументального сооружения цитадели.

Изучение городища проводилось с привлечением целого ряда неразрушающих и разрушающих методов, поэтому эти исследования могут быть охарактер-

*Исследования на содержание фосфора в слое выполнены в химической лаборатории Института географии РАН И.В. Туровой. Породы дерева определены д-ром геогр. наук А.А. Гольевой.

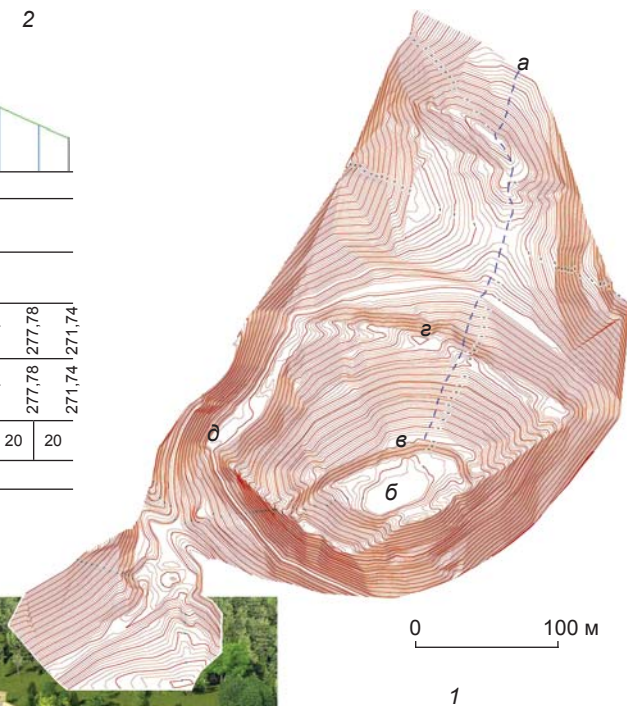
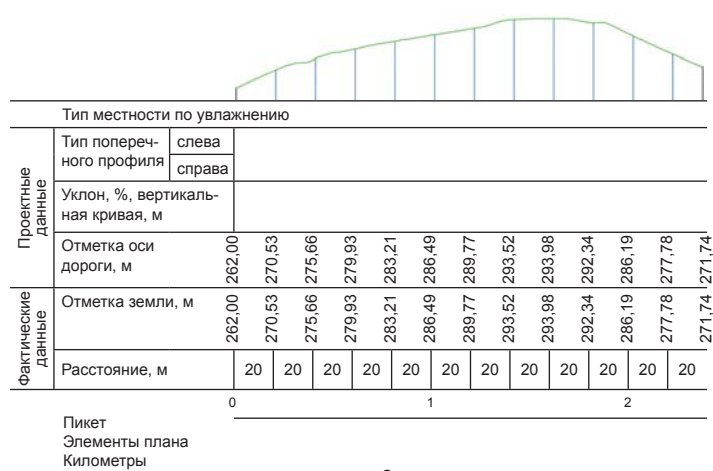
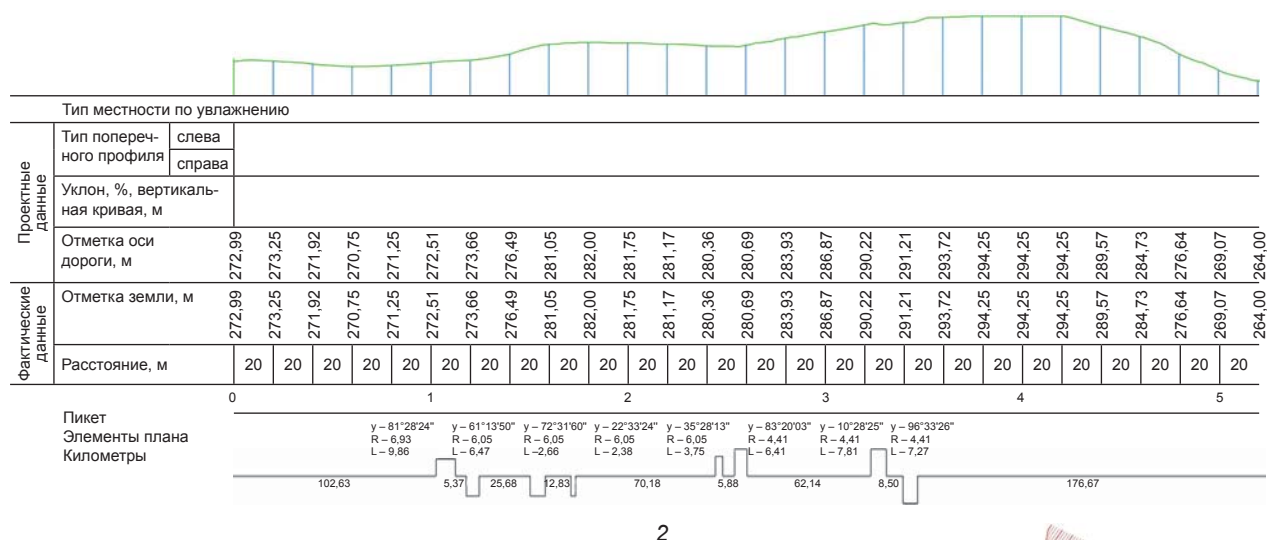

Рис. 1. Верхнеостагаевское городище и его окрестности.

1 – топографическая карта: а – «меридиональный хребет», б – местоположение монументального здания на территории цитадели, в – предполагаемое местоположение проездного сооружения на дороге в цитадель, г – проездное сооружение на городище, д – раскоп на внешней оборонительной стене; 2 – разрез городища по оси 3 – В; 3 – разрез городища по оси С – Ю; 4 – 3d-реконструкция сооружений Верхнеостагаевского городища (автор В.В. Моор).

Рис. 2. Материалы аэрофотосъемки городища в 1943 г. (1); космический снимок от 24.02.11 (2); карта магнитного поля, наложенная на космический снимок (выполнена Т.Н. Смекаловой и А.В. Чудиным) (3, 4): А – интенсивная положительная магнитная аномалия от внутренней стены цитадели; В – слабая отрицательная аномалия от внешней стены крепости; В – аномалии от прямоугольного монументального сооружения внутри цитадели.

ризованы как комплексные. В статье систематизированы результаты вышеуказанных работ, позволившие составить представление о топографии, стратиграфии и хронологии открытого в 2013 г. объекта культурного наследия.

Фортификация Верхнегостагаевского городища

Крепость располагается на северном склоне водораздельного хребта между реками Котлама и Гостагайка, которые относятся к бассейну Чёрного моря. Сооружения крепости занимают практически всю площадь (2,7 га) мыса неправильной, близкой к четырехугольной формы. Рельеф мысовой части очень сложен: ее территории соответствуют абсолютные отметки в интервале 280–294 м, крутизна склонов в восточном и северо-восточном направлениях составляет до 40°, в западном и северо-западном – 25–30° (см. рис. 1, 2, 3). С юго-востока, запада и северо-запада мыс ограничен глубокими оврагами, связанными с бассейном р. Гостагайки. С северной стороны к основанию мыса примыкает удлинённый, значительный по размеру (ок. 0,8 км) перешеек. Важное значение для формирования системы фортификации и коммуникации имеет гребень хребта, прорезающий территории городища и перешеек в меридиональном направлении (далее – «меридиональный хребет») (см. рис. 1, 1, а).

Прочность, а также наклонное залегание пород обеспечивают устойчивость северо-восточного

и восточного склонов мыса, что даже при большой крутизне благоприятствует возведению здесь монументальных сооружений. Крепость имела два пояса каменных оборонительных сооружений: стену, расположенную по периметру всего городища, и дополнительную стену, отгораживающую цитадель от основной части крепости.

Цитадель

Верхняя площадка мыса площадью 0,5 га, на которой расположена цитадель городища, подпрямоугольной формы, вытянута по оси СВ – ЮЗ. Граница цитадели – валообразная насыпь – хорошо прослеживается и на топографических планах, и на аэрофотоизображениях (см. рис. 2). Магнитная съемка выявила интересную особенность фортификации цитадели: внутренняя стена, отгораживающая «акрополь», была сооружена из камня и сильно обгоревших глиняно-плетневых или сырцовых конструкций. Они отразились в магнитном поле в виде прямолинейной отрицательной аномалии (материал стены – немагнитный камень) (см. рис. 2, 4). Это наблюдение было сделано благодаря сильной положительной магнитной аномалии над стеной, такой же как над стенами Раевского и Краснобатареиного городищ. При пожаре глина испытала высокотемпературное воздействие, что обусловило ее обжиг, ошлакование и намагничивание.

Для возведения валообразной насыпи создателям цитадели с СЗ и СВ был эскарпирован склон водораз-

дельного хребта. Поскольку эти валы состыкованы по гребню «меридионального хребта» с учетом рельефа местности, их контур не имеет правильной геометрической формы.

Контур проезда с внутренней стороны вала и заметный «провал» в рельефе позволяют предположить, что въезд на территорию цитадели находился в северной части насыпи. Высота насыпи с западной стороны составляет более 3 м, а с северной и северо-восточной – более 2 м. Отчетливо очерчены юго-западный, южный и восточный углы цитадели. Стены с юго-восточной стороны, судя по рельефу, были сооружены на небольшой грунтовой насыпи, а с юго-западной – просто на скальном горизонте.

Остается открытым вопрос о том, имелись ли в поворотных точках валообразной насыпи – в юго-западной, южной и северной частях фортификации цитадели – башенные сооружения. Прямоугольная площадка размерами ок. 6 × 6 м фиксируется только на стыке северо-восточного и юго-восточного участков валообразной насыпи. Стратегическая необходимость расположения здесь башни – контроль доступа к воротам цитадели – очевидна.

Внутреннее пространство цитадели отличается сложным рельефом: перепад высот составляет 9 м. В юго-западной части оно представляет собой крутой склон шириной ок. 26 м, который упирается в край еще более значительного по крутизне обрыва. Не исключено, что проникнуть в цитадель было возможно и со стороны, со стыка валообразной насыпи и южно-обрывистого склона мыса городища.

Большая часть площади цитадели – это естественное плато овальной формы размерами 26 × 47 м (высота ок. 294 м), ориентированное на вершине мыса, как и вся цитадель, по оси СВ – ЮЗ. Перепад высот значительный на юго-западном склоне, в целом он не превышает 1,0–1,5 м. Ландшафт прилегающей к нему территории, судя по складкам, читаемым и за валообразной насыпью, соответствует естественному рельефу возвышенности.

Монуменальное сооружение

На указанном плато магнитной съемкой, проведенной в 2013–2015 гг., было зафиксировано прямоугольное сооружение (примерные размеры 10 × 30 м), ориентированное по оси плоскогорья. Судя по отрицательным магнитным аномалиям, основания его стен были каменными. Восточная и западная стены сооружения дополнительно отмечаются сильными положительными аномалиями. Вероятно, при их возведении были использованы намагнитившиеся в сильном пожаре сырцовые кирпичи. К востоку от прямоугольного сооружения наблюдается обширная знакопеременная

аномалия мозаичной структуры, которой соответствует развал обгоревших глинобитных стен и, возможно, черепичной крыши.

В 2014–2016 гг. большая часть монументального сооружения была исследована раскопками (рис. 3, 4), расчищены кладки трех стен шириной ок. 1,2 м: продольные прослежены на длину ок. 17 м, а поперечная – на длину ок. 10 м.

Фасы стен сохранились на высоту до 0,6–0,7 м (три-четыре ряда кладки). Кладка, несмотря на воздействие склоновой деформации, особенно ощутимой на продольной северо-восточной стене, сохранила четкую порядную структуру (рис. 4, 3, 4, 6). Внешние фасы стен, образующих северный, обращенный к проездным воротам цитадели угол здания, сложены из крупных, высотой 0,15–0,20 м, квадратов отесанного ракушечника (рис. 4, 6). Внутренние фасы выполнены камнями, как правило, меньшего размера, чаще встречается местный известняк.

Для входа в здание были сделаны дверные проемы шириной ок. 1,6 м. В продольных стенах они расположены попарно. Основание порогов сложено из трех рядов изделий короткоцилиндрической формы (видимо, барабаны колонн) из ракушечника и замощено сверху тонким плитняком из известняка (см. рис. 3). Вымостки с внешней стороны от входов 1 и 4 маркируют древнюю дневную поверхность, свидетельствуя о незначительном заглублении стен здания на один фундаментный ряд кладки – ок. 0,2 м. В нижнем фундаментном ряду кладок также выявлены секции стволов колонн диаметром ок. 0,4 м из ракушечника.

В заполнении помещения повсеместно фиксировались развалы каменных кладок. Расчищенные завалы строительного камня позволяют реконструировать высоту внешней стены в пределах 1 м. Остатки залегающих в здании продольно обгоревших дубовых плах вперемешку с обломками кровельной черепицы сопровождаются прослойками золы и сырцовой обмазки. Этот горизонт, по нашему мнению, образован остатками рухнувшего при пожаре перекрытия, которое по античной традиции было черепичным (см. рис. 4, 6).

Большая часть обломков принадлежала плоским керамидам (соленам) с бортиками вдоль двух продольных сторон. Общие габариты (различная ширина) и, главное, особенности оформления боковых бортиков, обусловленные технологией укладки, которая не характерна для эллинизма, позволяют датировать находки римским временем [Зеест, 1966, с. 59–60]. Примерно половина обломков относится к керамидам, изготовленным из типичного для продукции античной Горгииппии римского времени глиняного теста краснокоричневого цвета, которому присущи ноздреватая структура, крупнозернистые примеси шамота, песка и белых крупинок (известы) [Кругликова, 1966, с. 148].

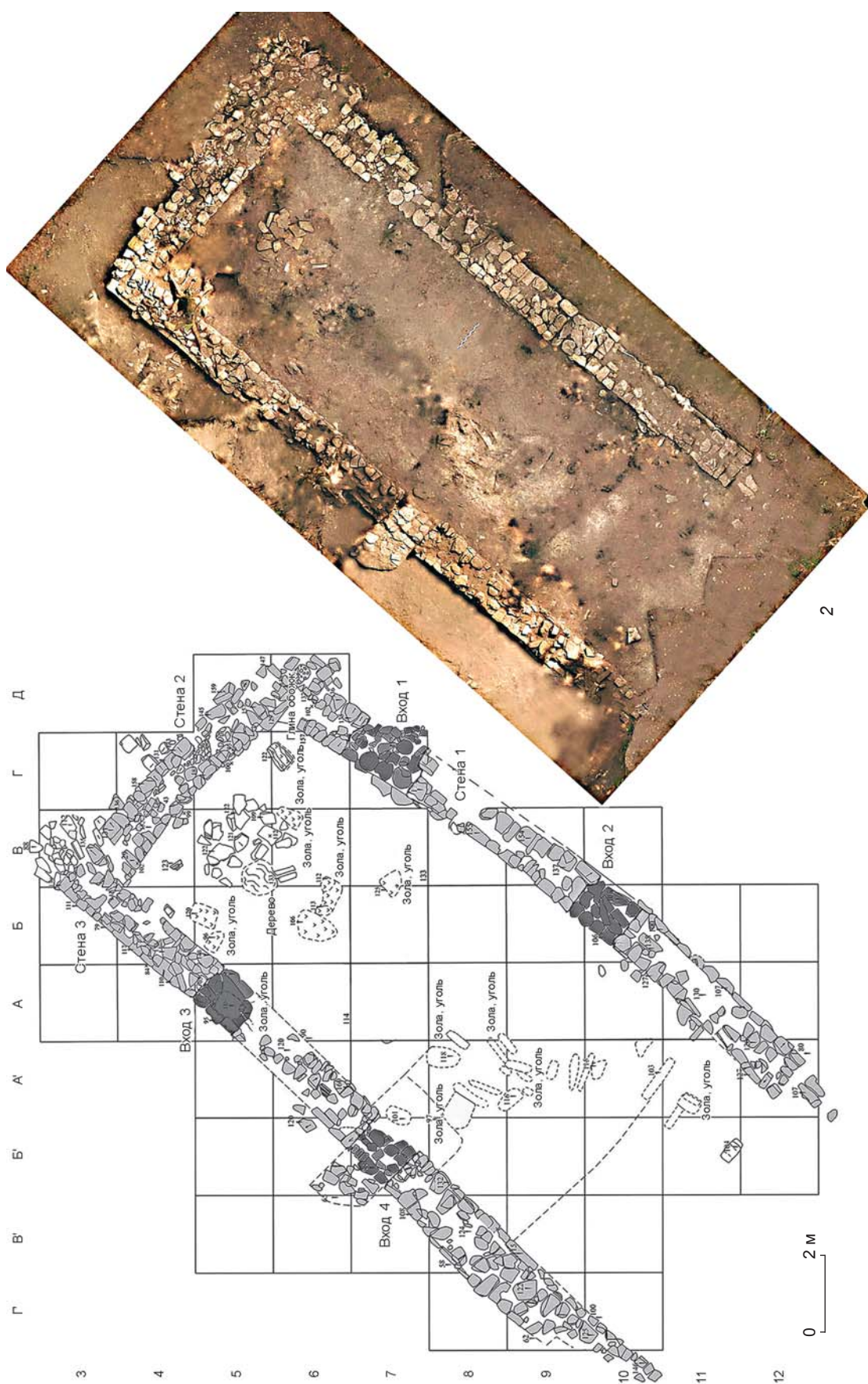

Рис. 3. Сводный план (1) и аэроснимок (2) монументального сооружения на территории цитадели.

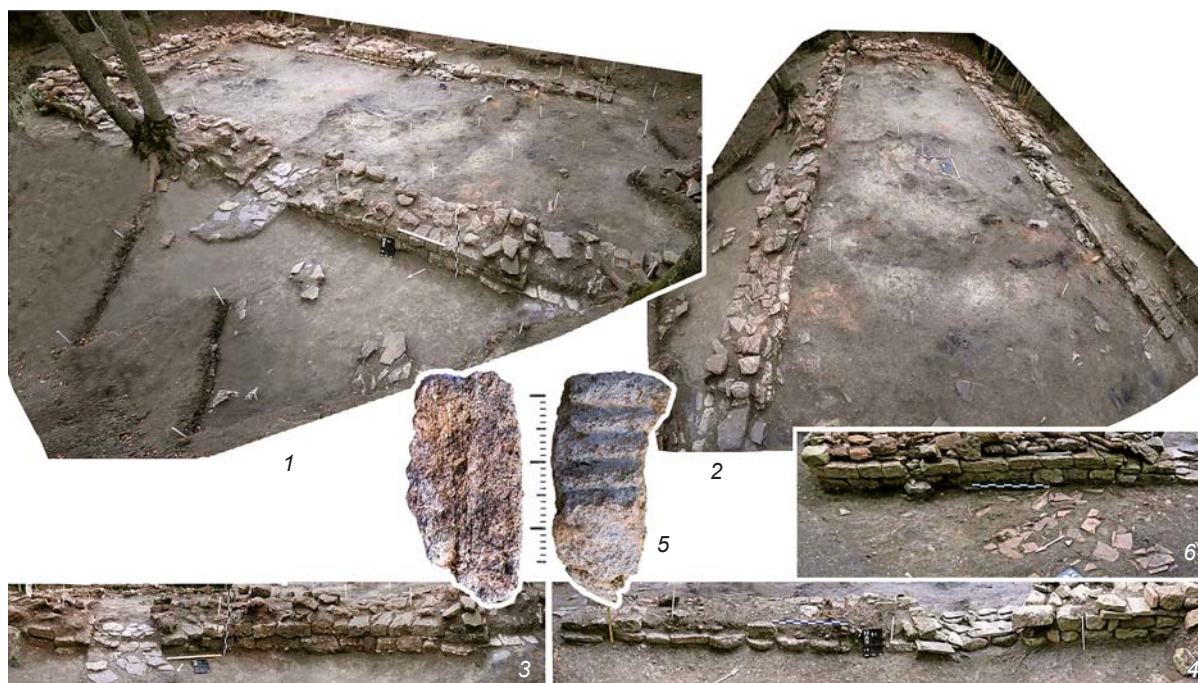

Рис. 4. Монументальное сооружение на территории цитадели.

1 – вид с ЮЗ; 2 – вид с Ю; 3 – проем входа 4 с пандусом, внешний фас стены 3; 4 – проем входа 1, основание внешнего фаса стены 1, сложенное из секций стволов колонн; 5 – фрагмент изделия из ракушечника; 6 – внешний «парадный» фас стены 3, на переднем плане развалы кровельной черепицы.

Внешний оборонительный контур

Пространство между валами цитадели и внешнего пояса оборонительных сооружений обширно, его площадь превышает 2 га. Значительный уклон поверхности важен для задач фортификации, но он создавал много трудностей для хозяйственной деятельности. Следы хозяйственного использования этого участка (террасирование, наличие культурного слоя) на склоне отсутствуют, следы перепланировки (эскарпирование или подсыпка) отмечены только по внешнему периметру крепости.

Интенсивной хозяйственной деятельности препятствовал и дефицит воды: получить ее на территории городища из колодцев было практически невозможно. Наличие системы сбора и хранения дождевой воды исследованиями пока не подтверждено.

Значительных усилий при сооружении крепости требовало устройство внешнего оборонительного контура общей протяженностью ок. 675 м. Наиболее короткий западно-северо-западный участок длиной ок. 140 м вписан в склон, имеющий внутренний изгиб в виде амфитеатра (см. рис. 1): естественный перелом склона был эскарпирован; излом изолиний на топоплане позволяет определить ширину образовавшейся террасы – ок. 20 м. Грунт, скорее всего, использовался для сооружения валообразной насыпи с напольной (северной) стороны крепости.

Вдоль внешнего края террасы по всему внешнему периметру городища в настоящее время прослеживается едва заметное возвышение. Как показали раскопки, слой темно-серого плотного суглинка, видимо расплывшихся сырцов, перекрывал основание в пределах 1 м двухфасной оборонительной стены, ширина которой составляла 1,0–1,1 м (см. рис. 1, 1, д). Она сложена в основном из крупных плит местных пород – известняка и песчаника. Вдоль внешней оборонительной стены, судя по резкому излому изолиний, проходила дозорная тропа или дорога шириной до 3 м. Почти половина юго-юго-западного и востоко-юго-восточного участков внешнего периметра связана с фортификацией самой цитадели.

В юго-восточном углу находился въезд на городище, фланкированный валообразными насыпями. Насыпь дороги, ведущей к въезду, проложена через глубокий овраг. Наличие небольшого мысообразного выступа размерами 5 × 10 м на склоне городища позволяет предположить, что изначально попасть в крепость можно было по мосту. Судя по трассе подъездной дороги на аэрофотоснимке, сделанном в 1943 г. (см. рис. 2, 1), в новейшее время ситуация здесь практически не изменилась.

Наиболее ответственной и трудоемкой задачей было создание фортификационной системы с напольной (северной) стороны. Сложность создавали значительная протяженность – ок. 230 м, а также

перепад высот в широтном направлении в пределах 10 м. В настоящее время доступ на городище перекрывает валообразная насыпь, высота которой возрастает с востока на запад вдвое, до 4 м. Отсутствие следов внешнего рва подтверждает предположение о том, что при возведении насыпи был использован грунт, полученный при террасировании склонов для устройства сооружений внешнего оборонительного пояса и коммуникаций внутри крепости. В местах стыковки с другими участками внешнего оборонительного контура фиксируются обширные площадки башенных сооружений.

Важнейшую роль в топографической ситуации на северном участке городища играет вышеупомянутый «меридиональный хребет». На него в средней части «опирается» северная валообразная насыпь и приобретает в связи с этим выпуклый в плане контур. Кроме того, именно этот «хребет» определил месторасположение подъездной дороги из долины р. Гостагайки и проезда в крепость.

Проездное сооружение обнаружено благодаря седловидному понижению в северной валообразной насыпи; раскопками выявлены каменные кладки монументальной постройки высотой более 2 м, сооруженной в материковом светло-сером суглинке (см. рис. 1, 1, 2). Поверх кладок прослежено заполнение в виде обожженной светло-бежевой или розовой глины с крупнозернистой структурой; это остатки рассыпавшихся сырцовых кирпичей. Таким образом, подтвердилось предположение об использо-

вании в фортификации крепости античных традиций сырцово-каменной архитектуры.

Основой проездного сооружения является стена 3, ориентированная по оси валообразной насыпи. Расчистка южного, внутреннего, фаса позволила установить неоднородный характер кладки на всю (более 2,6 м) высоту (рис. 5, 1): нижний, фундаментный, ряд сформирован из различных по высоте камней с целью сnivelировать неровности древней дневной поверхности. В последующих четырех рядах использованы стандартные блоки ракушечника правильной формы размерами $0,15\text{--}0,2 \times 0,2 \times 0,5$ м. На квадратах заметны следы работы пилой и инструментами черновой отески (рис. 5, 4) (ср. [Wright, 2005, ill. 90]). Большая часть блоков темно-серого цвета «пропитана» гумусом. Это вместе с показателями содержания удельного фосфора в почве свидетельствует о том, что кладка на высоту 0,8 м была присыпана культурным слоем.

Вышерасположенные ряды испытали сильную продольную деформацию, которая вызвала крен верхних рядов кладки и даже их заметный горизонтальный сдвиг (рис. 5, 5). На верхних уровнях заметно увеличиваются различия каменных блоков по размерам: появляются необработанные плитки из местных пород – известняка и песчаника. Небрежная кладка в верхних рядах – по-видимому, результат поспешного или непрофессионального ремонта после обрушения сооружения вследствие склоновой деформации либо вражеского нападения.

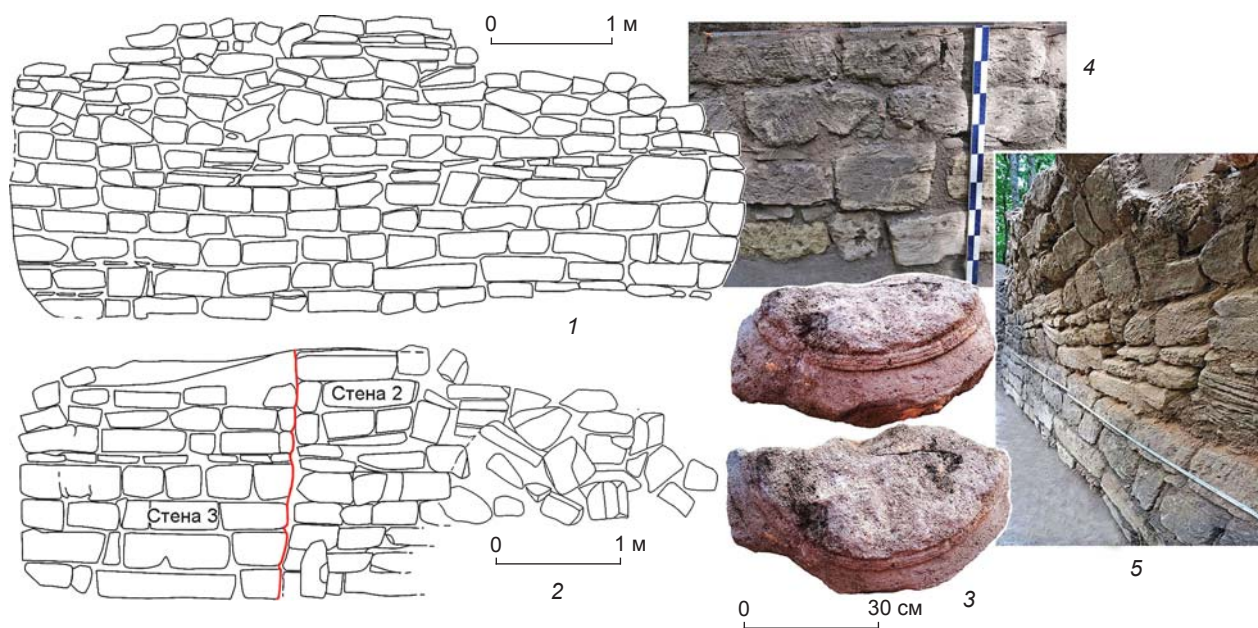

Рис. 5. Проездное сооружение, стена 3.

1 – внутренний лицевой фас; 2 – фас внутреннего пространства проездного сооружения; 3 – фрагмент капители колонны дорического ордера из кладки стены 3; 4, 5 – следы обработки на блоках кладки.

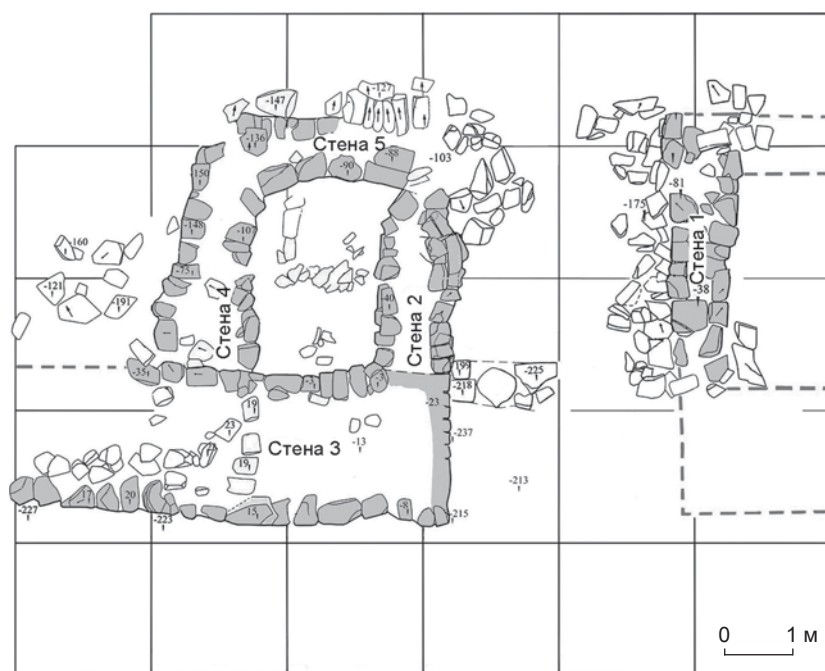

Рис. 6. Сводный план раскопа на территории проездного сооружения.

Восточный торец стены 3 шириной ок. 2 м является составляющим фас внутренней части проездного сооружения (рис. 5, 2; 6). Чтобы компенсировать воздействие склоновой деформации, с внешней стороны стены 3 был пристроен контрфорс, состоящий из трех (№ 2, 4, 5) стен. Соединение стен 2 и 3 встык свидетельствует о появлении внешней конструкции в более позднее время. Элементы подобного сооружения были прослежены и на противоположной стороне проездного сооружения.

Кладки фасов стен внутреннего пространства ворот сильно обожжены и имеют значительный крен внутрь. Надо полагать, что дубовые ворота при осаде были сожжены, конструкция перекрытия надвратного сооружения рухнула и завалила проезд строительным камнем вперемешку с углем и сырцовой крошкой. В ходе раскопок внутреннее пространство проездного сооружения длиной примерно 6,5 м было расчищено; на проезжей части шириной 3 м прослежена кладка каменного порога (рис. 6).

Хронологические определения

Материалы, полученные благодаря археологическим раскопкам, позволяют определить период бытования крепости в системах относительной и абсолютной датировки. Нижнюю границу – начало IV в. до н.э. – определяет единственная монета – бронзовый боспорский статер Радамсада (318/319 г. н.э.

(309/310–322/323))* [Фролова, 1997, табл. LXXXIV, 27–29, с. 319–321] (рис. 7, 2). Более многочисленные керамические находки – фрагменты краснолаковой столовой посуды и амфор – типичны для культурных слоев причерноморских памятников конца IV – V в. ** Краснолаковая керамика, представленная как импортными формами LRC (Late Roman ceramic) 3C (рис. 7, 4–6) [Hayes, 2008, fig. 39, 1269, 1270, 1272, 1273], LRC 3B (рис. 7, 7) [Ibid., fig. 38, 1262], PRSW (Pontic Red Slip Ware) 1 (рис. 7, 12) [Сазанов, 2012б, рис. 1, 6, с. 135–138], так и местными подражаниями – PRSW 7 (имитация Hayes LRC 2) (рис. 7, 9–11) [Сазанов, 2012а, рис. VII.3, 1, с. 213], датируются периодом от конца IV до третьей четверти V в.

Не противоречат указанным хронологическим рамкам предметы немногочисленной амфорной

коллекции, в которой удалось выделить типичные для Северного Причерноморья позднеантичного времени хронологические индикаторы: профильные части узкогорлых светлоглиняных амфор типа E и F (рис. 7, 1, 3) [Сазанов, 2012б, с. 125–133], а также ручки и стенки форм LRA (Late Roman amphora) 1A (рис. 7, 8, 13, 14) [Sazanov, 2007, p. 803–804], LRA 2 (рис. 7, 15) [Ibid., p. 804], LRA 3 (рис. 7, 16) [Ibid., p. 804–806, fig. 4, 8, 9, 20, 32, 33].

Не менее типичны для позднеантичных контекстов Северного Причерноморья конца IV – второй половины V в. фрагменты двух обнаруженных на территории цитадели сосудов из стекла прозрачного оливкового оттенка с каплями синего стекла на тулове: один украшен поясом орнамента из фестонов и капель синего стекла, полосами, другой – каплями и шлифованными полосами (рис. 7, 17, 18). Контуры сосудов позволяют реконструировать коническое тулово; у одного сохранилась часть узкого уплощенного основания [Isings, 1957, form 109; Сорокина, 1971, с. 90, тип II; Сазанов, 2012б, с. 140–142].

Материалы абсолютного датирования, а также результаты ¹⁴C-анализа двух образцов угля из заполнения монументального сооружения дают даты, соответствующие заключительным этапам бытования этого комплекса в позднеантичное – ранневизантий-

*Определение д-ра ист. наук М.А. Абрамзона.

**Определение д-ра ист. наук А.В. Сазанова.

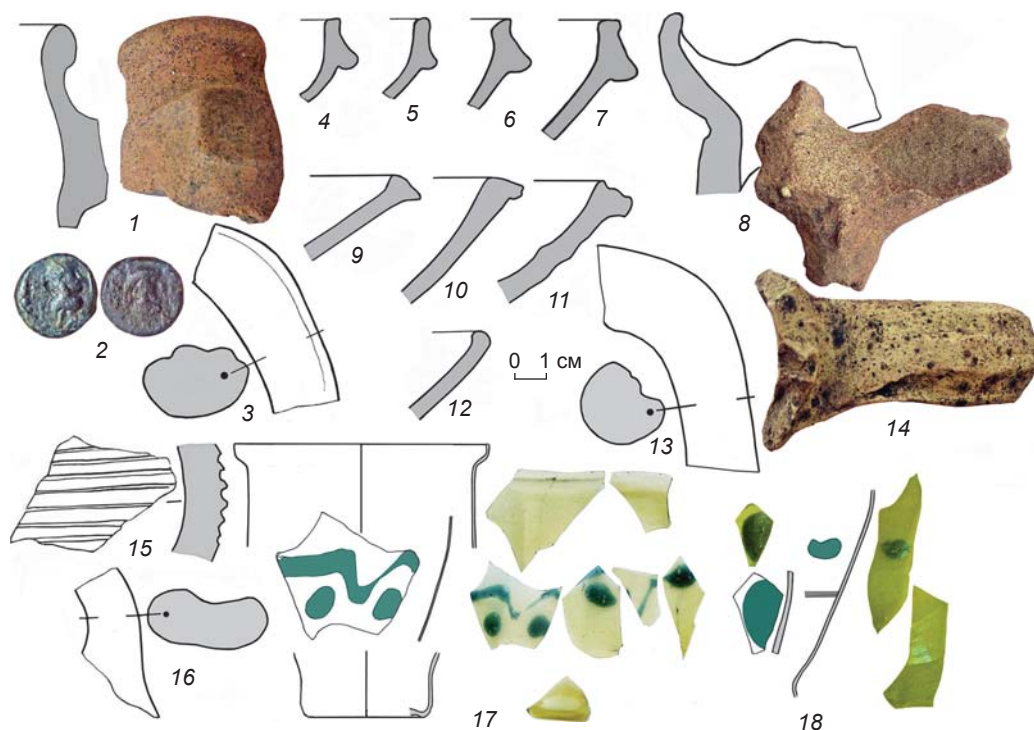

Рис. 7. Датировочный материал.

1, 3, 8, 13–16 – фрагменты амфор; 2 – боспорский статер Радамсада; 4–7, 9–12 – фрагменты керамической столовой посуды, красный лак; 17, 18 – фрагменты стеклянных сосудов.

ское время – от второй половины V до VI в.: 472 (430 ± 60) и 598 (590 ± 60) гг.*

Обсуждение результатов

Удаленность от основных транспортных артерий, морских и сухопутных (в 20 км от низовий рек Анапка (Горгиппия, Черное море) и Гостагайка (городище у хуторов Капустин, Витязевский лиман)) позволяет рассматривать памятник как крепость-убежище очень высокого ранга. Минимальное содержание удельного фосфора и малочисленность массового материала для культурного слоя городища [Гольева, Малышев, 2003] свидетельствует о невысокой интенсивности хозяйственной деятельности и незначительной плотности населения.

Не вызывает сомнений то, что крепость занимала выгодное географическое и стратегическое положение. Она возведена в приосевой части последнего значимого отрога на северо-западной оконечности Главного Кавказского хребта, который в древности, как и в настоящее время, делил территорию на различные природные зоны и при этом, по-видимому, являлся своеобразным мостом, издавна соединявшим

два региона: северный, в котором преобладала степь, и южный – покрытые лесами предгорья.

Территория с более благоприятным для прокладки коммуникаций ландшафтом находится к северу от крепости: довольно широкий и пологий гребень вышеописанного «меридионального хребта» простирается в широтном направлении и ведет в верховья р. Гостагайки. Об интенсивном использовании этой зоны свидетельствует обилие строительного материала из ракушечника. Ареал сооружений из этой породы камня, как известно, тяготеет к низовьям Кубани. Судя по найденным здесь деталям колонн, среди которых имеется капитель дорической колонны, датирующейся по очень плоскому эхину в пределах позднего эллинизма – римского времени*, в качестве строительного материала использовались остатки разрушенной общественной постройки (см. рис. 5, 3). Наличие керамид из глины, сходной с горгиппийской, а также обращенных к Анапской долине проездных сооружений подтверждает предположение о том, что строительные материалы могли доставляться с западной стороны.

Масштаб строительной активности свидетельствует о значительных административных ресурсах властителей этого центра. К строительству были привлечены высокопрофессиональные специалисты, пре-

*Анализы проведены в лаборатории радиоуглеродного датирования Института географии РАН Э.П. Зазовской.

*Определение д-ра искусствоведения Е.А. Савостиной.

красно знавшие особенности микрорельефа и местных строительных материалов. Можно сделать вывод о дифференцированном подходе к строительному материалу: при создании парадных конструкций использовался привезенный издалека ракушечник, а при строительстве периферийных оборонительных сооружений – местный камень – песчаник и известняк. Возможно, доставка строительных материалов и возведение крепости были многолетней повинностью населения Азиатского Боспора.

Заключение

Недавно было высказано предположение о том, что импульс началу системного кризиса был дан населением региона, известного в научной литературе как полуостров Абрау [Сазанов, 2011]. Неслучайно многие исследователи локализуют здесь политическое образование, которое имело отношение к чеканке знаменитых подражаний римским денариям [Кругликова, 1966, с. 203; Шелов, 1973]. Эти подражания маркируют передвижения по одной из древнейших трасс, связывающих черноморское побережье через Закубанье с Центральным Предкавказьем [Шелов, 1973, с. 193].

Комплексные исследования укрепленного в античных традициях Верхнегостагаевского городища позволяют получить новые данные об одном из наименее изученных периодов истории Азиатского Боспора.

Благодарности

Полевые исследования неdestructивными методами (архивные аэрофотографии, космические снимки и магниторазведка) и анализ полученных материалов проведены д-ром ист. наук Т.Н. Смекаловой в рамках выполнения госзадания Минобрнауки РФ №33.1470.2017/ПЧ, геодезические работы и аэросъемка объектов выполнены Д.О. Дрыгой за счет гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 16-06-00564).

Список литературы

- Агбунов М.В.** Античная лодия Черного моря. – М.: Наука, 1987. – 157 с.
- Блаватский В.Д.** Боспорское царство в позднеантичное время // Античная археология и история. – М.: Наука, 1985. – С. 242–260.
- Гавритухин И.О., Пьянков А.В.** Раннесредневековые древности побережья (IV–IX вв.) // Крым и Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. Археология. – М.: Наука, 2003. – С. 186–200.
- Гайдукевич В.Ф.** Боспорское царство. – М.; Л.: Наука, 1949. – 624 с.
- Гольева А.А., Малышев А.А.** Изменение содержания валового фосфора и органического углерода в почвах древних населенческих ландшафтов // Роль почвы в формировании ландшафтов. – Казань: ФЭН, 2003. – С. 124–129.
- Зеест И.Б.** Боспор. Строительные керамические материалы // Керамическое производство и античные строительные материалы. – М.: Наука, 1966. – С. 51–61. – (САИ; Г1-20).
- Ковалевская В.Б.** Северокавказские древности // Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1981. – С. 83–188. – (Археология СССР).
- Кругликова И.Т.** Боспор в позднеантичное время (очерк экономической истории). – М.: Наука, 1966. – 233 с.
- Медведев И.П.** Студенческий реферат С.Ф. Платонова «О местопребывании готов-тетракситов» // Античная древность и средние века. – 2011. – Вып. 40. – С. 390–408.
- Проконий Кесарийский.** Война с готами / пер. С.П. Кондратьева. – М.: Изд-во АН СССР, 1950. – 519 с.
- Сазанов А.В.** Поздние типы узкогорлых светлоглиняных амфор и проблемы хронологии Боспора позднеимперского времени // Тр. III (XIX) Всерос. археол. съезда. – СПб.; М.; Вел. Новгород: Новгород. технопарк, 2011. – Т. I. – С. 325–327.
- Сазанов А.В.** Четырехапсидный храм Херсонеса и «Жития свв. епископов Херсонских»: хронология и интерпретация // Жития епископов Херсонских в контексте истории Херсонеса Таврического / Ю.М. Могаричев, А.В. Сазанов, Т.Э. Саргсян, С.Б. Сорочан, А.К. Шапошников. – Харьков: Антика, 2012а. – С. 203–312. – (Нартекс. Byzantina Ukrainensis; т. 1).
- Сазанов А.В.** Азиатский Боспор в позднеимперское время // ISEUM: Сборник статей, посвященных истории, религии и культуре Древнего мира. – 2012б. – М.: Гос. публ. ист. тор. б-ка. – С. 120–181.
- Сорокина Н.П.** О стеклянных сосудах с каплями синего стекла из Причерноморья // СА. – 1971. – № 4. – С. 85–102.
- Фролова Н.А.** Монетное дело Боспора. – М.: УРСС, 1997. – Ч. 2. – 422 с.
- Фролова Н.А.** Проблема континуитета на позднеантичном Боспоре по нумизматическим данным // ВДИ. – 1998. – № 1. – С. 247–262.
- Шелов Д.Б.** О датировке северокавказских подражаний римским денариям // Кавказ и Восточная Европа в древности. – М.: Наука, 1973. – С. 190–196.
- Hayes J.W.** Roman pottery: fine-ware imports // The Athenian Agora. – Princeton (N. J.): The American School of Classical Studies at Athens, 2008. – Vol. 32. – 341 p.
- Isings C.** Roman Glass from Dated Finds. – Groningen/Djakarta: Wolters, 1957. – 185 p.
- Sazanov A.** Les amphores orientales d'époque protobyzantine au nord de la mer Noire: chronologie et typologie // Late Roman coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean. Archaeology and archaeometry. – Oxford, 2007. – Vol. 2. – P. 803–815. – (British Archeol. Rep. Intern. Ser.; vol. 1662 (II)).
- Smekalova T.N., Yatsishina E.B., Garipov A.S., Pasumanskii A.E., Ketsko R.S., Chudin A.V.** Natural science methods in field archaeology, with the case study of Crimea // Crystallography Reports. – 2016. – July. – Vol. 61. – P. 533–542.
- Wright G.R.H.** Ancient Building Technology. – Leiden-Boston: Brill, 2005. – 222 p. – (Technology and Change in History; vol. 2, pt. 2).